

Столыпинское переселение в Сибирь: 1910-й – год «великого перелома»*

В ряде своих недавних публикаций¹⁷⁸ мы сформулировали положение о том, что в силу своей масштабности (только в 1906–1914 гг. в Сибирь переселилось 2,5 млн. человек), степени воздействия и последствиям массовую крестьянскую миграцию сюда и производимое одновременно с этим землеустройство в начале XX в. следует квалифицировать как переселенческую революцию. Ее основными качественными составляющими стали: кардинальное изменение правительственной политики – от запрещения и ограничения к поощрению и организации; унификация землепользования всех категорий сельского населения (старожилов, переселенцев и аборигенов); быстрое развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, существенное увеличение его товарности, оформление аграрной специализации территории; существенный рост численности сельского населения, его социальная дифференциация, нарастание напряженности и противостояния между старожилами и новоселами, «российскими» крестьянами и коренными жителями; эскалация противодействия властям всего сельского социума региона; инновации в культурной сфере, хозяйственной деятельности и образе жизни селян.

Поэтому переселенческая проблематика постоянно привлекала внимание ученых. Подробно она анализировалась в историографических исследованиях М.Б. Шейнфельда, Л.М. Горюшкина, Н.А. Якименко и М.Т. Когут. Как нам представляется, наиболее плодотворным был этап с конца 1950-х до начала 1980-х гг., когда в духе формационного подхода различные аспекты проблемы разрабатывались В.Г. Тюкавкиным, Л. Белявской, Л.М. Горюшкиным, Е.И. Соловьевой, Л.Ф. Складовым,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №03-01-00779а.

¹⁷⁸ **Шиловский М.В.** Л.М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными историками // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.) Новосибирск, 2002, С.26–31; **Он же.** Влияние массовых переселений конца XIX – начала XX вв. на землевание аборигенных этносов Сибири // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2003. Вып.2. С.27–39; **Он же.** Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып.3, С.101–118; **Он же.** Современный этап изучения переселений в Сибирь конца XIX – начала XX вв. // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004. С.169–172.

В.А. Степаниным, Г.П. Жидковым и др. Тем не менее, общая оценка правительственной переселенческой политики, как составной части столыпинской аграрной реформы, была сугубо негативной¹⁷⁹

С конца 1980-х гг. начался поиск новых методологических подходов. Своеобразным рубежом здесь стала монография И.В. Островского, в которой, с одной стороны, была задействована и развита большая часть работ предшественников, а с другой, «автор отказался от односторонней негативной оценки роли самодержавия в освоении Сибири»¹⁸⁰ Начавший набирать обороты маховик смены парадигмы привел к противоречивым результатам. Например, Л.М. Горюшкин, признав положительные факторы в переселенческом процессе начала XX в., в целом считал, что переселенческое движение «не ослабило земельную тесноту и не предотвратило свержение самодержавия в России, а скорее способствовало его приближению»¹⁸¹

Дальше него пошел В.Г. Тюкавкин, который в единственном с начала XXI в. монографическом исследовании столыпинской аграрной реформы, кардинально пересмотрел собственные выводы и положения советского периода. По его мнению правительство стремилось увеличить поток переселяющихся, но с ним не справлялись местные власти и просили центр его ограничить. Главной причиной роста числа мигрантов после 1906 г. являлось не малоземелье, а возможность продать свой надел и полученные средства использовать для переезда. Самодержавие предприняло максимум мер для организации миграций и помощи переселенцам. Жилось новоселам в Сибири лучше, чем на родине. В итоге, «приведенные материалы об экономическом положении переселенцев за Уралом свидетельствуют об успешном ходе колонизации этой окраины. Деятельность переселенческой организации во многом способствовала этому процессу: сюда относятся не только работы по подготовке и распределению участков и выдача ссуд, но и агрономическая, медицинская помощь, снабжение новоселов сельскохозяйственными машинами через специальные склады и др. Однако главная и решающая роль принадлежала миллионам самих переселенцев, которые своим трудом освоили огромные пространства новых земель и смогли на новом месте устроить свою судьбу. Вывод о том, что переселенческая политика привела к разорению крестьян в Сибири, опровер-

¹⁷⁹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С.239.

¹⁸⁰ Горюшкин Л.М. От редактора // Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991, С.3.

¹⁸¹ Шиловский М. В. Л.М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь... С.26–27.

гается достоверными материалами обследований высококвалифицированными комиссиями и данными текущей статистики»¹⁸²

В последнее время происходит устойчивое возрождение интереса сибирских историков к переселенческой проблематике. Однако, целый ряд вопросов или не изучается или не получает дополнительного обоснования и пересмотра с точки зрения современных подходов к исследованию процесса колонизации Сибири в начале XX в. Особое место среди них принадлежит ситуации 1910 г., связанной с качественными изменениями в переселенческом движении и несостоявшимся поворотом («новым курсом») в переселенческой политике самодержавия в связи с поездкой П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Сибирь. Попробуем разобраться в них более подробно или сформулировав свое видение ситуации.

Прежде всего, в 1910 г. произошло обвальное падения числа переселившихся в Сибирь (с 619,3 тыс. в 1909 г. до 316,1 тыс.) при резком увеличении (с 13,3 до 36,3% соответственно) количества вернувшихся домой. Негативная тенденция усугубляется в 1911 г., когда из 189,8 тыс. проследовавших в Сибирь переселенцев, 116,3 тыс. (61,3 %) вернулись обратно¹⁸³. Причем местные наблюдатели, анализируя ситуацию «благополучного» 1909 г., уже в начале 1910 г. предсказывали провал, «который может привести к печальным последствиям, как переселенцев, так и сибирских старожилов»¹⁸⁴. Спад миграционного потока происходил в условиях существенного увеличения бюджетного финансирования переселений и расширения государственной помощи новоселам¹⁸⁵. Достаточно сказать, что ассигнования Переселенческому управлению в 1910 г. по сравнению с 1909-м выросли с 23,0 млн. руб. до 24,9 млн. и достигли максимальной отметки в 29,3 млн. руб. в 1914 г.¹⁸⁶

¹⁸² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С.226-228. 230, 239, 287, 291-292.

¹⁸³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма... С.231.

¹⁸⁴ Обской. Землеустройство и переселение в Сибирь // Сиб. жизнь (Томск), 1910, 14 янв.

¹⁸⁵ Пронин В.И. Роль государства в развитии переселенческого движения крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX в. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII – XX вв.). Новосибирск, 2003. С.76–80; Шиловский М.В. Система льгот для переселяющихся в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) // Там же. С.81–85; Карпинец А.Ю. Система государственного кредитования переселенческой политики в Западной Сибири в начале XX века (На примере Томской губернии) // Проблемы истории управления Сибирью конца XVI – начала XX века. Кемерово, 2004. С.64–71.

¹⁸⁶ Островский И.В. Указ. соч. С.137.

Причины спада традиционно объяснялись сокращением выхода крестьян из общины, началом промышленного подъема в российской экономике и революционного движения. Н.В. Захарова опровергла тезис о сокращении выделов из общины в рассматриваемое время и одновременно указала еще на две причины: правительственные ограничения (отмена свободы хождения) и уменьшение переселенческого потока в связи с тем, что значительная часть стремящихся Сибирь крестьян переводворилась в 1906–1909 гг.¹⁸⁷ Анализируя ситуацию в местах выхода переселенцев (Харьковская губерния), Ю.П. Родионов назвал еще две: высокую плату за приписку к сельскому обществу сибирских старожилов и небывало высокий урожай 1909 г.¹⁸⁸ Представляется, что главными факторами сокращения переселений в Сибирь, начиная с 1910 г., являлись опасения потенциальных новоселов застать в Сибири прежние российские порядки (выкуп наделной земли) в связи заявленных в 1910 г. П.А. Столыпиным преобразований в аграрной политике применительно к Сибири, о чем пойдет речь ниже. Нельзя сбрасывать со счетов и эпидемию чумы, занесенную в Сибирь с Дальнего Востока, и холеры свирепствовавших здесь в 1910–1911 гг.

Важное значение в изменении правительственного курса имела поездка в Сибирь в августе–сентябре 1910 г. председателя Совета министров П.А. Столыпина, начальника Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Министерства земледелия и государственных имуществ А.В. Кривошеина и начальника Переселенческого управления ГУЗиЗ тайного советника Г.В. Глинки. Сюжет этот в самом общем виде освещен в работе П.Н. Зырянова¹⁸⁹, но требует, на наш взгляд, ряда существенных дополнений и корректировок.

Первые известия о предстоящей поездке дошли до Сибири в двадцатых числах августа 1910 г. Сообщалось, что главной ее целью является «обозрение действий переселенческих управлений, в которых за последнюю кампанию обнаружены были некоторые недочеты». Кроме Сибири премьер якобы предполагал посещение строительства Амурской железной дороги и даже Якутии¹⁹⁰. Обращает на себя внимание, что во время визита Столыпина в провинциальных столицах (Омске и Томске) не было мест-

¹⁸⁷ Захарова Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2003. С.13.

¹⁸⁸ Родионов Ю.П. Переселенческое движение в Сибирь в начале XX века (по материалам Харьковской губернской земской управы) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества. С.44, 46.

¹⁸⁹ Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С.79–94.

¹⁹⁰ Сиб. жизнь, 1910, 21, 24 авг.

ных руководителей – Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита и томского губернатора Н.Л. Гондатти.

22 августа утром экстренный поезд №10 с высокопоставленными чиновниками прибыл в Челябинск, вечером они были уже в Кургане. Утром следующего дня была сделана остановка в Петропавловске. Визитеры углубились на 270 верст вглубь Степного края, поднявшись на лошадях вверх по р. Ишим до селения Явленное (Явленка), знакомясь с хозяйственной деятельностью переселенцев, казаков Сибирского казачьего войска и казахов (киргиз). Утром 25 августа поезд прибыл в Омск. День ушел на посещение казачьего Никольского собора с обязательным молебном, осмотр офицерского собрания, переселенческих барачных на станции, переселенческой пристани на р. Иртыш, переселенческого управления Акмолинского района, тюрьмы, городских холерных барачных. Утром следующего дня на пароходе «Туринск» Столыпин и сопровождающие его лица отправились в уездный центр Семипалатинской области г. Павлодар.

Здесь они знакомились с условиями ведения сельского хозяйства в условиях засушливого климата и способами адаптации к нему переселенцев. На границе Семипалатинской области и Томской губернии министры встречали управляющий губернией Е.Е. Извеков и заведующий Томским переселенческим районом Н.К. Шуман. Поздним вечером 28 августа кортеж добрался до Славгорода. Состоялись встречи с представителями местного общества. Столыпин «особенно интересовался отрубным и хуторским хозяйством». Депутация от казахов Кулундинской степи ходатайствовала о предоставлении им наделов по 30 десятин на душу. «Никаких обещаний министры не дали». Была «осмотрена цветущая немецкая колония менонитов, составляющая отдельную волость»¹⁹¹

Из Славгорода начался 400 верстный участок поездки по черноземной степи в сторону Камня-на-Оби. «В мертвой прежде пустыне начинает биться пульс русской жизни. Мы проехали по 14 поселкам Кулундинской степи. И всюду чувствовалось хозяйственное пробуждение», – сообщали путешественники в своем отчете¹⁹² В Камне-на-Оби премьер принял депутации от местных жителей и от г. Барнаула, просивших оказать содействие в строительстве от Транссибирской магистрали до Алтая железной дороги. Кроме того, в изложении путешественников, сибиряки остро поставили вопрос о введении в регионе частной земельной собственности¹⁹³ Осмотрев местный переселенческий пункт, Столыпин, Кривошеин, Глинка в со-

¹⁹¹ **Сибирь** (Иркутск), 1910, 2 сент.; **Сиб. жизнь**, 1910, 4 сент.

¹⁹² **Поездка в Сибирь и Поволжье**. Записка П.П. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С.83.

¹⁹³ **Зырянов П.Н.** Указ. соч. С.86.

провожении местных чиновников на пароходе «Первый» по Оби отплыли в Нововониколаевск, куда прибыли утром 31 августа и были встречены на пристани руководством городской думы и чиновниками правительственных учреждений. Депутация преподнесла премьеру хлеб-соль и вручила ходатайства о введении земства в Сибири, постройке железной дороги до Барнаула, о преобразовании города в уездный центр, строительстве водопровода и мощении улиц. В решении трех последних вопросов Столыпин «обещал свое содействие». После посещения переселенческого пункта, добровольного пожарного общества, холерного барака и тюрьмы, он уже на поезде отправился в Томск.

По дороге, доехав до разъезда Кошево, министры отправились осматривать переселенческие поселки Алексеевской волости, а затем проследовали на лошадях до разъезда Мошково, в окрестностях которого посетили несколько переселенческих хуторов¹⁹⁴ Простояв ночь на станции Тайга, экстренный поезд 1 сентября рано утром отправился в Томск, куда прибыл ближе к полудню.

Томичи связывали с приездом министров большие надежды. Традиционно знакомство с городом началось с кафедрального собора, где был отслужен молебен. Далее последовали университет и технологический институт, где был поставлен вопрос об образовании при последнем сельскохозяйственного отделения (факультета). П.А. Столыпин заметил, что об открытии высшего сельскохозяйственного учебного заведения ходатайствовали и в Омске, но поскольку Томск несправедливо обошла железная дорога, необходимо развивать его значение как научного центра Сибири и, поэтому, «интересы Омска отодвинут на задний план, а я и А.В. Кривошеин в этом вопросе ваши союзники»¹⁹⁵ Далее высокопоставленные визитеры навестили архиепископа Макария, посетили переселенческое управление, холерный барак и психиатрическую лечебницу.

Кульминацией посещения стал прием депутатий в губернаторской резиденции, сопровождавшийся вручением различного рода прошений и записок. Министрам представились еврейский раввин, мусульманский мулла, католические ксендзы и председатель местного отдела Союза русского народа купец Д.Г. Малышев. В состав депутатии от городского самоуправления, помимо городского головы И.М. Некрасова и членов управы, вошли профессора университета и технологического института. Биржевой комитет представляли К.Р. Эман, Н.А. Молчанов и Москов; пароходовладельцев И.М. Плотников, И.Л. Фуксман и П.Ф. Плещеев. Главные просьбы

¹⁹⁴ Сиб. жизнь, 1910, 4 сент.; Сибирь, 1910, 3 сент.

¹⁹⁵ Сиб. жизнь, 1910, 2 сент.

томичей касались, прежде всего, проекта строительства Алтайской железной дороги, которая, по их мнению, должна быть проведена от Барнаула до Томска с пересечением Транссиба у станции Болотная и с ответвлением от села Гутово до села Кольчугино Кузнецкого уезда. Пароходовладельцы настаивали на осуществлении масштабных дноуглубительных работ на Томи. Переселенческое управление представило записку о колонизации Нарымского края, доказывая возможность эффективного ведения здесь сельского хозяйства. П.А. Столыпин отреагировал только по поводу направления Алтайской железной дороги в том плане, что правильнее было бы ее примыкание к основной магистрали значительно восточнее станции Болотная¹⁹⁶

Из Томска поезд с высокопоставленными чиновниками отправился на станцию Итат в Мариинском уезде, куда прибыл в 8 часов утра 2 сентября. На лошадях по лесной дороге они осмотрели отрубные и хуторские хозяйства новоселов Тухтайской волости, посетив переселенческие поселки эстонскую Бороковку, Двухреченский и Городок, принимая депутации от переселенцев¹⁹⁷ В 18.00 министры прибыли на станцию Боготол, где встретились с делегацией от жителей, ходатайствовавших о преобразовании поселка в город. На следующий день, 3 сентября в 13.00 экспресс отправился обратно, сделав остановки в Мариинске, на станции Татарской для приемки прошений и на станции Лебяжьей в Тобольской губернии для осмотра артельного маслозавода. Мариинские обыватели во главе с городским головой И.Т. Савельевым ходатайствовали о предоставлении беспроцентной ссуды в 30 тыс. рублей на строительство объектов культуры, еще 120 тыс. на сооружение моста через реку Кию, об освобождении горожан от постоянной повинности и примыкании Алтайской железной дороги к основной магистрали не в Новониколаевске или Болотной, а в Мариинске. Пожелания жителей Татарской не шли дальше преобразования их поселения в город.

Всего, по собственным подсчетам, за 10 суток министры побывали в шести уездах четырех губерний и областей, «где мы, сделав более 800 верст на лошадях в сторону от железной дороги и водного пути, видели несколько районов, весьма различных по условиям заселения»¹⁹⁸

Поездка П.А. Столыпина, А.В. Кривошеина и Г.В. Глинка вызвала неоднозначную реакцию в России и Сибири. Ее всячески афишировали правительственные временные издания. Либералы и радикалы отне-

¹⁹⁶ Сиб. жизнь, 1910, 2, 4 сент.

¹⁹⁷ Сиб. жизнь, 1910, 4, 5, 8, 11 сент.

¹⁹⁸ Поездка в Сибирь и Поволжье... С.3.

слись к мероприятию как сугубо пропагандистскому, показушному, сравнивая с известным путешествием Екатерины II в Крым. Еще до ее начала депутат 3-й Государственной думы от Тобольской губернии, трудовик В.И. Дзюбинский заявил в Кургане, что поездка «вызвана начинающимся кризисом переселенческой политики правительства. Все то, что говорили сибирские депутаты, критикуя переселенческое дело и указывая, что настоящая его постановка поведет к разорению как сибиряков-старожилов, так и переселенцев, начинает сбываться»¹⁹⁹ Кадетская «Речь» отреагировала фельетоном, который в изложении «Сибирской жизни» сводится к следующему: «Ему [Столыпину – М.Ш.] не показывают раскрестянившегося камаринского мужика. Ему показывают прекрасно устроившегося хуторянина, кушающего каждый день щи с убойной и применяющего в своем хозяйстве усовершенствованные способы обработки земли. Ему не показывают картин непроходимой тупости и нищеты. Хуторянин, обрабатывающий землю машинами, существует. Он не заводной, не из папье-маше. Но он – единица в море ковыряющих землю чем бог послал»²⁰⁰ Резюмируя впечатления от путешествия высокопоставленных администраторов, самая массовая и наиболее авторитетная из либеральных изданий в Сибири – газета «Сибирская жизнь» в передовой статье прозорливо предлагала поставить крест на всех просьбах и жалобах, ибо властям нужен только положительный результат по принципу «все идет хорошо»²⁰¹

В свою очередь, П.А.Столыпин пытался извлечь из предпринятого мероприятия максимум пропагандистского эффекта. Давая интервью английскому журналисту, он заявил: «Мы видели сотни переселенцев. Мы спрашивали всех тех, которые недовольны своей жизненной обстановкой, заявить нам об этом и таковым будут даны бесплатные билет на обратный проезд в Россию. И что вы думаете? Всего нашлось двое старых вдов... Таким образом, вы видите, что речи о бегстве переселенцев из Сибири не может быть. Меня поразил тип сибирского переселенца. Он, по-видимому, заразился демократическим духом коренных сибиряков»²⁰².

Впечатления и предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина очень быстро материализовались в пространную (130 страниц типографского текста) записку, которая уже 9 ноября 1910 г. была распространена среди депутатов 3-й Государственной думы (далее сноски на нее дается непосредственно в тексте)²⁰³ Прежде всего в ней содержалось утверждение об

¹⁹⁹ Сибирь, 1910, 1 сент.

²⁰⁰ Сиб. жизнь, 1910, 3 сент.

²⁰¹ Сиб. жизнь, 1910, 19 сент.

²⁰² Сиб. слово (Томск), 1911, 13 мая.

²⁰³ Сиб. жизнь, 1910, 21 ноября.

общем успехе переселенческого дела в Сибири. Признавая факт сокращения потока переселенцев в 1910 г., министры и данное обстоятельство квалифицировали как положительную тенденцию, позволяющую заняться обустройством новоселов. Следствием этого должно стать сокращение доли самовольных мигрантов и повышение среди переселяющихся числа зажиточных. Главная задача государства в изменившихся условиях – найти для заселения землю, путем вовлечения в сельскохозяйственный оборот таежной зоны (Нарымский край), «скорейшего и сплошного поземельного устройства старожилов» (С.28) и «временное оставление киргизам [казахам – М.Ш.] части земель по кочевым и скотоводческим нормам и немедленная передача освобождающихся земель в колонизационный фонд» (С.20). Для переселенцев необходимо строить церкви, школы, больницы, склады сельскохозяйственных машин, развивать транспортные коммуникации.

Но коренное решение вопроса заключается «в скорейшем предоставлении сибирским старожилам, переселенцам, и оседлым, окончательно устроенным инородцам, прав собственности на отведенные и отводимые им обширные наделы» (С.30) в духе указа от 9 ноября 1906 г. Помимо мелкокрестьянского землевладения, в Сибири необходимо развивать и поощрять «культурные частновладельческие хозяйства» в рамках закона от 8 июня 1901 г. (С.117, 118), а также хутора и отруба. При этом предлагалось сохранить общину в сибирской деревне в силу ее гибкости, инновационной ориентированности, умения распутывать и разрешать земельные споры, поскольку в своей деятельности она базируется «на праве захвата трудом (заимки)» (С.56).

Для успешного осуществления предложенного курса, помимо чисто технических мероприятий (свобода хождения, предоставление ссуд и льгот, организация агрономической помощи, обеспечение сбыта сельскохозяйственной продукции), министры предлагали «отводить наделы старожилам и переселенцам Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность» и покровительствовать здесь «мелкой единоличной собственности на землю» (С.127). Необходимо прекратить «отводить и лучшие и худшие земли одинаково даром» и продавать землю переселенцам в районах с лучшими природно-климатическими и почвенными ресурсами (Алтай, Семиречье). «Рядом с мелким крестьянскими владениями надлежит образование за Уралом также частной земельной собственности» (С.129). И, наконец, «следует продолжить непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами, как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятия земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства, и облегчением

аренды киргизских земель переселенцами: – от широкого прилива в степь русских переселенцев выиграют и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность» (С.129).

Окончательно, в записке на высочайшее имя, министры формулировали главное: «Принять все требуемые, в порядке законодательства, меры к возможности распространения на все население Азиатской России узаконений последнего времени, направленных к устранению вредных сторон общинно-земельных порядков», а для этого распространить на Сибирь действие закона от 14 июня 1910 г.²⁰⁴

Непосредственная реакция в Сибири на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина была негативной. Либеральные и околдумские круги обвинили правительство в нежелании осуществлять индустриальное развитие региона и сохранять его в качестве земледельческой колонии²⁰⁵ Общественность протестовала против массовых переселений на земли казахов-кочевников, заявляла об отсутствии в Сибири свободных земель и предвещала крах попыток заселения Нарымского края и таежного Мариинского уезда²⁰⁶ Депутат Государственной думы от Тобольской губернии, агроном Н.Л. Скалозубов доказывал невозможность ведения хуторского хозяйства в Сибири из-за неблагоприятных природно-климатических условий²⁰⁷

Но наиболее последовательно местные либералы выступили против насаждаемого сверху института частной собственности на землю, вступая, тем самым, в противоречие с основополагающими принципами либерализма. «Отвод земли крестьянам в постоянное землепользование, – утверждала «Сибирская жизнь», – с сохранением, однако, права собственности за государством, обеспечивает вполне интересы крестьян и прогресс земледельческой культуры, но в то же время сохраняет за государством право верховного распоряжения землей в интересах общества и будущих поколений»²⁰⁸

В ответ на «Записку» министров депутат 3-й Государственной думы от Томской губернии, член ЦК кадетской партии, профессор Н.В. Некрасов подготовил объемную статью, в которой потребовал уничтожения в ре-

²⁰⁴ Вопросы колонизации, 1911, №8. С.319–320.

²⁰⁵ Карский И. Министры о нуждах Сибири // Сиб. жизнь, 1910, 25 ноября.

²⁰⁶ Он же. Накануне банкротства // Сиб. слово, 1910, 14 ноября; П. Е. Из жизни киргизов // Там же, 3 декабря.

²⁰⁷ Барсуков В.Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906–1914 гг. Рукопись канд. диссерт. Новосибирск, 1990. С.212.

²⁰⁸ Сиб. жизнь, 1910, 18 ноября.

гионе «случайно сохранившихся архаических пережитков прежнего режима [до 1905 г. – М.Ш.]», прежде всего кабинетского землевладения. В принципе он согласился с необходимостью распространения в Сибири частной собственности на землю, но сразу указал на то, что ускоренное разрушение общины, возможность скупки земли российскими помещиками могут привести к печальному результату. Депутат замечал: «Еще большее опасение вызывает намерение правительства одним росчерком пера произвести грандиозный переворот в экономической жизни Сибири внезапным переходом к частной земельной собственности. В этом вопросе необходимо отделить принципиальную сторону – желательность изменения титула владения и самый способ осуществления такой перемены. Несомненно, что замена права пользования правом собственности чрезвычайно желательна в целях ограждения интересов старожильского населения», – но земля может превратиться в объект купли-продажи, а «следствием этого легко может явиться значительная мобилизация земельной собственности в Сибири по исключительно низким ценам и сосредоточение больших количеств земли в руках отдельных кулацких элементов сибирской деревни»²⁰⁹ Поэтому отстаивалась необходимость сохранения общинного землевладения в Сибири.

Еще в большей степени накал страстей проявился по поводу переселений и частной собственности на земли аборигенов, прежде всего казахов. Дело в том, что еще до поездки министров в Сибирь, 16 марта 1910 г. главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин сделал заявление о необходимости интенсивной колонизации Степного края, «не опасаясь за будущее киргизского народа». Кроме того, он предложил ввести частную земельную собственность в степных областях, Семиречье и на Алтае с правом свободной продажи земли старожилами, включая коренных жителей, новоселам²¹⁰ Как видим, был брошен первый шар, дополненный в конце года «Запиской» двух министров, отвечающих за переселения.

В многочисленных публикациях и выступлениях по поводу предполагаемой акции в принципе не отрицалась необходимость перевода на оседлость в длительной перспективе, при сохранении национальной самобытности. То, что происходило в рассматриваемое время на громадных пространствах Прииртышья воспринималось как хаотичный, но в то же время безостановочный процесс. «Людам с Запада не хватает земли, – замечал по этому поводу писатель и этнограф А.Е. Новоселов. – Голодные идут они

²⁰⁹ Некрасов Н.В. Экономические проблемы сибирской жизни // Русская мысль. 1911. №4. С.32, 33.

²¹⁰ Быков А.Ю. История модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Барнаул, 2003. С.172.

толпами, а им сажень за саженью, верста за верстой отводят хлебородные участки. Аулы все ближе к своим кочевкам подходят, один к другому. На незанятых еще удобных урочищах их сошлось вместе по нескольку. В прежнее время это было немыслимо, а теперь, как бы в ответ на требования жизни, вернее, под мощными ударами ее степные табуны растаяли»²¹¹ «И киргиз как-то принизился, - отмечал корреспондент «Сибирской жизни», - стушевался, неумелыми руками взялся за плуг. Но для этого ему надо слишком долго прожить и обрусеть, а это не так легко»²¹².

Сибиряки выступали против не обоснованного научно продвижения в зону рискованного земледелия. В частности, Н.Л. Скалозубов подчеркивал: «На юге в киргизских полупустынях разрушается единственно целесообразное здесь кочевое хозяйство, киргизы изгоняются из степей, земля нарезается на участки и населяется хлеборобами, совершенно к условиям пустыни не приспособленными»²¹³ От имени Сибирской парламентской группы в 3-й Государственной думе Н.В. Некрасов поддержал необходимость проведения землеустроительных работ у аборигенов, но, «при этом должно быть в законодательном порядке обеспечено право пользования теми территориями, которые необходимы для продолжения хозяйственного быта соответственно с их бытовыми условиями и этнографическими особенностями»²¹⁴ В конечном счете, вопрос о введении частной собственности на землю в Степном крае стал причиной выхода из кадетской партии ряда казахских общественных деятелей²¹⁵ Объясняя случившееся, наиболее авторитетный из них, член ЦК ПНС А.Н. Букейханов отмечал: «Кадетская партия выступает за передачу земли в частную собственность. Если наши казахи возьмут землю в частную собственность, то продадут ее мужикам, как башкиры, и через несколько лет останутся голыми и с пустыми руками»²¹⁶

Как известно, ни одно из предложений П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, сформулированных в 1910 г., не было реализовано, хотя определенные подготовительные мероприятия правительством были приняты. Отсутствие подвижек в этой области объясняется начавшейся

²¹¹ Новоселов А.Е. Лицо моей родины // Новоселов А.Е. Беловодье. Иркутск, 1981. С.271–272.

²¹² Алтаич. Страничка из жизни киргиз // Сиб. жизнь, 1910, 14 февр.

²¹³ Скалозубов Н.Л. Экспедиция на Камчатку // Сиб. жизнь, 1910, 7 ноября.

²¹⁴ Сиб. жизнь, 1910, 26 февр.

²¹⁵ Быков А.Ю. Указ. соч. С.164.

²¹⁶ Цит. по: Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917 гг.). Учебное пособие. Алматы, 2000. С.137.

мировой войной²¹⁷ Как нам представляется, введение частной земельной собственности, в том числе применительно к наделам переселенцев, встретило бы мощное противодействие крестьян, особенно на землях Кабинета. За 1907–1914 гг. в Алтайский округ Кабинета ЕИВ переселилось 734 тыс., или почти каждый второй отправившийся в Сибирь. Они основали 3 415 населенных пунктов, распахали сотни тысяч десятин земли²¹⁸. Но округ и, прежде всего его земля, являлись ассоциативно-частной собственностью дома Романовых²¹⁹ Поэтому за полученную в пользование землю, крестьяне должны были заплатить собственнику 330 млн. рублей, не считая процентов. Ежегодные поступления Округу за пользование землей достигали до 10 млн. рублей. К ним необходимо добавить еще примерно 726 тыс. рублей в год (1915), которые Кабинет зарабатывал за счет сдачи в аренду земли, как правило, отрезанной у крестьян в ходе землеустройства²²⁰ Наверяд ли Романовы безвозмездно отказались от этого дохода, а алтайские крестьяне согласились бы выкупать свою землю, тем более переселенцы, которые уже прошли через эту грабительскую процедуру в Европейской России после реформы 1861 года.

В целом, сибирское крестьянство (старожилы, новоселы, аборигены) решительно и последовательно боролись против изъятия «излишков» в процессе землеустройства. В архивах сохранилось колоссальное количество прошений и жалоб по этому поводу. По подсчетам А.А. Храмова, только на Алтае с ними обратилось 138 820 человек, или около 10% устраниваемого населения²²¹ Главной целью подобных действий всех перечисленных выше категорий сельского населения региона являлось стремление сохранить или получить наделы сверх установленной нормы. При

²¹⁷ **Крестьянство Сибири в эпоху капитализма...** С.230. 10 марта 1911 г. Совет министров принял положение «Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков а частную собственность», направленное на утверждение в Государственную думу. Позднее туда же поступил законопроект о введении частной земельной собственности в Сибири и передаче земельных наделов переселенцев в частную собственность.

²¹⁸ **Жидков Г.П.** Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1979. С.199; **Тютюкин В.И.** Социально-экономические последствия столыпинской аграрной реформы на Алтае // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Омск, 1997. С.175–176.

²¹⁹ **Никулин Н.Ю.** Удел и содержание дома Романовых в конце XIX – начале XX вв. // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 1997. С.38–44.

²²⁰ **Государственная Дума.** Третий созыв. 1910–1911. Сессия IV. Ч.2. СПб., 1911. С.862, 875; **История Алтая.** Барнаул, 1995. Ч.1. С.270.

²²¹ **Храмов А.А.** Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Учебное пособие. Барнаул, 1994. С.78–79.

этом проявлялись чудеса изворотливости, прекрасное знание законов, элементы социальной демагогии, использовались пассивные формы сопротивления проведению землеустроительных работ (бойкот межевания, отказ принимать урезанные наделы)²²².

Аграрная реформа не была поддержана снизу, в том числе в Сибири, и из-за стремления крестьянства сохранить общину. Можно согласиться с тем, что в ходе «игры в хутора» и «похода на общину», произошел не ее распад, а «оздоровление»²²³. В борьбе с правительственным «землерасстройством» крестьянство активно использовало общину и в известной степени реанимировало этот институт традиционного общества. Как установили барнаульские историки, «укрепление земли в подворное владение, интенсивно происходившее в период проведения столыпинской реформы, было не столько следствием разложения общины и роста буржуазно-индивидуалистских настроений среди крестьянства, сколько результатом стремлений крестьян в условиях массового наплыва переселенцев из Европейской России оградить свои земли от перераспределения в пользу прибывающих переселенцев»²²⁴. Поэтому в 1917 г. община на Алтае являлась организатором захвата кабинетских земель и лесов²²⁵.

Собственно и переселенцы в большинстве своем предпочитали общинные порядки²²⁶ и славянско-православная колонизация сопровождалась переносом на новые территории такого важного атрибута российской цивилизации как корпоративность, т.е. общинной организации²²⁷. Как верно, на наш взгляд, заметил П.Ф. Никулин: «в начале XX в. рынок не смог раз-

²²² См.: Когут М.Т. Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896–1917 гг.) // Проблемы историографии и истории. Омск, 2002. С.129–133; Шиловский М.В. Влияние массовых переселений конца XIX – начала XX вв. на землевладение аборигенных этносов Сибири... С.38–39.

²²³ Шмаков О.Н. Некоторые проблемы реализации столыпинской аграрной реформы на Южном Урале (по материалам кооперативной периодики) // Горный Алтай: история, современность, перспективы. Горно-Алтайск, 2003. С.98.

²²⁴ Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников). Барнаул, 2002. С.30.

²²⁵ Жидков Г.П. Указ. соч. С.240.

²²⁶ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.98, 100.

²²⁷ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С.169.

рушить социально-трудовой основы крестьянского хозяйства... Оно сохраняла свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась ее главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура»²²⁸ Поэтому крестьянство Сибири связывало свои надежды на достаток и благополучие прежде всего с наличием в избытке пригодной для сельскохозяйственной деятельности земли. В связи с этим сокращение наделов воспринималось как вполне реальная угроза благополучию и вызывало противодействие всего сельского мира вне зависимости от социальной дифференциации, конфессиональной или национальной принадлежности. С социально-психологической точки зрения подобное поведение свидетельствовало о преобладании в менталитете крестьян патриархальной психологии и стремления сохранить традиционные формы хозяйства.

²²⁸ Никулин П.Ф. Взаимодействие социальных и хозяйственных культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн.2. С.244.